

УДК 811.221.18+372.881.1

Бтемиров Т. М.
ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Btemirov T. M.
ON ONE CASE OF PHONETIC INTERFERENCE WHEN STUDYING
THE OSSETIAN LANGUAGE

***Аннотация.** В статье рассматривается фонетическая интерференция носителей русского языка, возникающая при изучении осетинского языка. Среди множества объектов интерференции для рассмотрения берется ударение в словосочетании, состоящем из прилагательного и существительного. На опытном материале была продемонстрирована зависимость интерференции от русского синтагматического (фразового) ударения.*

***Ключевые слова:** интерференция, осетинский язык, русский язык, фонетика, ударение, ритмика, интонация.*

***Abstract.** The article examines the phonetic interference of native speakers of the Russian language that occurs when learning the Ossetian language. Among the many objects of interference, the stress in a phrase consisting of an adjective and a noun is taken for consideration. The dependence of interference on the Russian syntagmatic (phrasal) stress was demonstrated using experimental material.*

***Key words:** interference, Ossetian language, Russian language, phonetics, stress, rhythm, intonation.*

Одним из неперенных условий овладения любым языком, является освоение фонетики этого языка. А именно, таких ее разделов как ритмика, просодия и интонация. Как бы полно мы не владели лексикой, как бы виртуозно мы не управляли грамматикой нашей речи, устная речь приобретает смысл только будучи одухотворенной нашей интонацией, ритмически структурированной различными видами ударений: словесным, синтагматическим, фразовым.

Рост числа русскоязычных осетин, которые в силу разных причин не усвоили осетинский язык естественным образом, становится актуализируется факторы, способствующие или препятствующие овладению осетинской речью природными носителями русского языка.

Для того, чтобы иметь ясную картину фонетической интерференции, в нашем случае – автоматического переноса русского произношения на осетинский, нам следует соблюдать некую последовательность в изложении материала. Во-первых, нужно выяснить исходные предпосылки: как интересующий нас аспект реализуется в русском языке? Во-вторых, как этот аспект реализуется в языке осетинском? В третьих же, проведя подробный анализ, сопоставив произношение фактическое с эталонным, то есть то, как говорят ученики, с одной стороны, и как говорят носители, с другой, мы выявим точные закономерности интерференции, а также постараемся дать рекомендации по ее преодолению.

Ввиду того, что тема фонетической интерференции применительно к этой паре языков обширна, (и, пожалуй, достойна монографии) мы позволим сосредоточиться на одном из аспектов, а именно интерференции в отношении сочетания *определения и определяемого*.

Предваряя нашу тему, заметим, что еще в 1913 году известный театральный деятель прошлого, мастер русского слова, князь С. М. Волконский, отметил важные для нас особенности русской речи. Книга с подзаголовком «Опыт исследования и руководства в области механики, психологии, философии и эстетики речи в жизни и на сцене» содержит информацию об ударении и тоне, не теряющей своей актуальности и по сей день. Вот, что пишет автор: «Ударение и «слияние» – важнейшие два элемента, не только слова, но и вообще в речи. Как в слове один слог ударением выделяется из числа других, так в предложении ударением выделяется слово; в ударяемом слоге жизнь слова, в ударяемом слове – жизнь предложения. Как в слове неударяемые слоги «собираются» под ударяемый слог, так в предложении ударяемое слово «притягивает» к себе другие слова. [3, с. 73].

О каком же «слиянии» здесь идет речь? Волконский, как мы считаем, здесь имеет ввиду не сколько фонетическое слово, известное нам как самостоятельное слово, с примыкающими к нему безударными клитиками, но ритмоинтонационную единицу, определяемую в лингвистическом учении Л. В. Щербы как «синтагма». [7] В нашей

работе будем опираться на истолкование, во многом идущее от Щербы, согласно которому синтагма есть простейшая интонационная единица речи, «выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли». Щерба отмечает также, что русские синтагмы являются в определенном смысле и дыхательными группами, которые характеризуются «усилением последнего словесного ударения» [10, с. 86-87]. Рассмотрим это особое синтагматическое ударение на литературном примере: *Бушующий **поток** | на скали́стом дне **ущелья** | казался **из аула** | серебряной **нитью**.*|| (К. Хетагуров) [8, с. 7]. Из четырех выделенных нами синтагм три содержат определяемые слова, выраженные существительными: *поток, дне, нитью*. Все определения имеют подчинительную связь посредством согласования, при котором они предшествуют определению (как в осетинском языке). Одно слово имеет дополнительно тип связи, при котором определение следует за определяемым: *дне ущелья* (этот случай мы рассматривать не будем, так как такой порядок слов в осетинском языке невозможен). В большинстве случаев во всех стилях речи смысловой акцент приходится на имена существительные. Что же касается прилагательного в роли атрибута, то оно акцентируется, пожалуй, лишь при наличии антитезы. [9, с. 131]. Если схематически представить знаменательность частей речи в виде определенной шкалы градации, то имя прилагательное, обычно зависящее синтаксически от существительного, в сравнении с ним является относительно менее знаменательным. [9, с. 134].

Для носителя литературной нормы русского языка, является естественным (при отсутствии противопоставления или логического акцентирования) в обычной, неаффективной речи выделять ударением конец синтагмы или фразы, а в нашем случае – определяемое слово, стоящее в конце синтагмы, и обозначать тем самым границу смысловой «порции». Таким способом, мысль его облекается в упорядоченную речевую структуру. Отступление от этого закона при освоении осетинской речи требует перестройки мышления, инструментом которого как известно, является язык.

Перейдем к рассмотрению осетинского (иронского) ударения. Подробные правила осетинского (иронского) ударения описаны в статье «Ритмика осетинской речи» В. И. Абаева [1, с. 96-134], «Очерке фонетики осетинского литературного языка» М. И. Исаева, [6, с. 64-77]

и другой литературе. Интересующий нас аспект можно представить в следующем виде. Во-первых, мы должны сказать, что определение, чем бы оно ни было выражено: именем прилагательным, существительным, местоимением, числительным, наречием или именной формой глагола, всегда и во всех случаях объединяется с определяемым в один «акцентуальный комплекс». Акцентуальным комплексом или акцентуальной единицей принято называть группу слов, находящихся в синтаксической связи, которое сможет носить одно единственное основное¹ ударение. Данная определение комплекса позволяет нам говорить о его тождестве с фонетическим словом. При этом, ближайшей условно допустимой аналогией рассматриваемого комплекса «определение с определяемым» в русском языке будет являться фонетическая синтагма, в которой также есть одно основное синтагматическое ударение. Однако, в отличие от синтагмы, могущей состоять из нескольких фонетических слов, акцентуальный комплекс представляет собой неразрывное с точки зрения ритма единство. А кроме того, что наиболее важно, распределение ударения в акцентуальном комплексе подчиняется базовому правилу, суть которого в нашем случае сводиться к следующему: ударение падает только на первый или второй слог комплекса². Если первый слог образован гласной *æ* или *ы* (относятся к слабым), то ударение падает на следующий за ним второй слог. Если же первая слоогообразующая гласная сильная (все кроме *æ* и *ы*), то ударение падает на нее. Приведем простой пример: *Бæрзѳнѳ хæхтæ нáл дасынц сæ хíл æмæ æрýáгътой сæýрс зачьетæ сæ ýæрæх риýtæм*. Перевод: ‘Высокие горы больше не бреют свой волос и отпустили свои белые бороды на свои широкие груди’. (Бегизов, 382). Здесь у нас три случая, в которых представлен комплекс определение с определяемым, в роли которого выступает прилагательное. Рассмотрим их: *бæрзѳнѳ хæхтæ* ‘высокие горы’, *сæýрс зачьетæ* ‘их белые бороды’, *сæ ýæрæх риýtæм* ‘/на/ их широкие груди’. Во-первых, мы замечаем, что прилагательное

¹ В. И. Абаев, введший в употребление этот термин, отмечает возможность наличия в акцентуальном комплексе наряду с основным и ряда вторичных, очень слабых ударений.

² Исключения из этого правила, также описанные в литературе мы рассматривать не будем.

в осетинском языке не согласуется с существительным в числе и падеже¹, в отличие от русского языка. Как предполагает В. И. Абаев, отсюда проистекает их «акцентуальное единство». [1, с. 113]. Иными словами, нужно их «крепко связать» одним ударением, так как связи согласованием у нас нет. Во-вторых, мы видим, что ударение в комплексах из примера приходится на прилагательное². Это обстоятельство в наибольшей степени противоречит русской ритмике, а следовательно является причиной интерференции. Невозможно сказать по-осетински: *Бæрзõнд хæхтæ | æрӯагътой сæ урс зæчъетæ | сæ ўæрæх рӯйтæм*. Такое акцентирование разбирает на части смысловое и интонационное единство и режет слух слушателя, доставляя ему дискомфорт. Если мы попробуем исказить ударение в русском языке, то получим такой же эффект. Возможны ли случаи, когда ударение ставится в комплексе на существительном, а не на прилагательном, подобно синтагматическому ударению в русском? Возможны. Если прилагательное состоит из одного предударного слога: *Сырх хъўймацæй сын кæлмæрзæнтæ скæнын кодта*. ‘/из/ красной материи их косынки побудила сделать’ [2, с. 316]. Но и в этом примере, ожидаемо проявится фонетическая интерференция, не учитывающая смещение ударения в слове *хъўймацæй* ‘/из/ материи’ – ведь в изолированном варианте ударение падает на второй слог: *хъўйма́цæй*. Соответственно, мы получим: *сы́рх хъўйма́цæй*. Такие ошибки характерны даже для людей, освоивших осетинский язык в детстве, но формирование речевых навыков которых проходило в условиях недостатка языковой среды.

Для того чтобы выяснить в каких случаях фонетическая интерференция проявляется сильнее, а в каких слабее мы провели эксперимент, состоящий из ряда этапов. Суть его в том, что испытуемым с различной, но несовершенной степенью владения осетинским языком, мы дали прочитать ряд специально подобранных осетинских словосочетаний и предложений, без выделения на письме акцентуальных комплек-

¹ То есть, определение с определяемым (прилагательное с существительным) при всяких грамматических изменениях рассматривается как единое целое, в котором достаточно оформить последнюю часть, т. е. определяемое (существительное).

² В двух случаях ему предшествует проклитика *сæ*, которая является слабым слогом и уступает ударение следующему за ним в комплексе слогу.

сов и ударений. Зная наперед, то что испытуемые будут автоматически переносить ритмический рисунок русской синтагмы (ударение на существительное) мы постарались поставить их «русскую синтагму», начиненную осетинской лексикой, в разные интонационно-синтаксические условия. Автор оценивал аудиозаписи на слух. Испытуемые – 7 взрослых. Из них 6 выросли во Владикавказе. Одного из них можно, с оговоркой, отнести к уверенным носителям языка. Двое испытуемых – русские по национальности, начавшие изучать язык в зрелом возрасте. Один из них вырос за пределами Осетии. Другой – уверенно владеет лексикой и грамматикой.

1. В первой части эксперимента участникам было предложено прочитать словосочетания, состоящие из односложного прилагательного и односложного существительного, в которых по одной сильной гласной (см. Приложение, блок №1) Тип: *хорз бон*. Ожидаемо мы должны получить произношение с ударяемым прилагательным и усиленным ударением на существительном: [хорз бон], сравните перевод: '[хоробший дёнь]'. Чтение вслух показало, что половина озвучивших текст ясно перенесли на него интонацию русской синтагмы. Однако, половина участников (имеющих большой опыт) справились с заданием лучше, и на слух показалось, что ударение расставлено верно. Причина такого ложного слухового восприятия отчасти, мы считаем, находится в особой роли заударного слога, на котором происходит подъем частоты основного тона [4, с. 32; 5, с. 63]. В русском языке, подъем тона происходит, например, при перечислении ряда одинаковых словосочетаний, записанных в столбец, как это было предложено испытуемым. По нашим догадкам, ведущим маркером словесного ударения в осетинском (иронском) является относительная длительность фонемы, – таким образом, отклонение заударной гласной от ЧОТ или усиление ее динамических характеристик при неизменности долготы воспринимается более приемлемым.

2. Для контраста с предыдущим блоком мы ввели в тестовое задание эти же слова, но разделенные посредством длинного тире: *хорз – бон* (блок №2). Ожидаемо, испытуемые прочли его без каких-либо нареканий по интонации. Разве что, разделение слов было теперь специально акцентировано.

3. В следующем блоке №3 мы усложнили задание, добавив к односложным ударяемым прилагательным двусложное существительное, на

котором ударения уже быть не должно. Например: *саў гæды*. Ожидаем произношение с ударением на первое слово (верно) и сильным ударением на втором (неверно): *|саў гæды|* т. е. '[чёрная **ко́шка**]'. В результате мы имеем следующую, несколько неожиданную, картину. Словосочетание *саў гæды* пятеро из семи испытуемых произнесли практически верно. Мы считаем, что это вызвано самим характером гласных. *Саў* получит выраженное ударение в любом случае. Гласная *æ* безударна, так как все испытуемые, знакомы со звуковой моделью изолированного слова с ударением на *ы* (*гæды*). Тогда можно ожидать, что мы услышим сильное ударение на *ы*. Но этого не происходит. Дело в том, что поставить сильное ударение на этот, неопознаваемый в русской речи звук, может быть весьма затруднительно. Это сравнимо с тем, чтобы поставить ударение в слове *ноябрь* между согласными *б* и *р*. В результате, мы имеем самое сильное ударение на прилагательном *саў*, что случайным образом соответствует осетинскому произношению. Словосочетание *хорз лæппу* 'хороший мальчик' более половины читающих озвучили верно. Полагаем, что дело в знакомстве с распространенной ритмической моделью. Остальные словосочетания подтверждают наш прогноз по интерференции.

4. Следующий блок №4 состоит из двусложных прилагательных и одно- или двусложных существительных. Большинство участников (5 из 7) сделали русское синтагматическое ударение, как и прогнозировалось, на обоих словах с усилением последнего. Что интересно, один испытуемый в 2 из 5 примеров, сумел, как нам показалось, неосознанно приблизиться к нормативной артикуляции посредством подъема тона (незавершенная интонация при перечислении).

5. Блок №5, предоставленный для озвучивания, состоит из односложного «слабого» прилагательного и односложного «сильного» существительного. Мы ожидали, что в *с/сч* типа *цыргъ кáрд*, которое, нам казалось более приближенным к его значению '[о́стрый **но́ж**]' будет наименьшая доля несоответствий. Четверо (с меньшим опытом) в отличие от трех (с большим опытом) не воспроизвели ритмику осетинского акцентуального комплекса, отчетливо разделяя слова. Возможно, что это связано со скоплением согласных на стыке слов (*ргъ к, рх к, вд ц, рд с*), так как несколько лучше воспринимается на слух сочетание *цъæх арв* 'синее небо'.

6. В блок №6 мы поместили с/сч из «слабого» односложного прилагательного / причастия и двусложного существительного, которое начинается на безударный слог. В изолированном виде словесное ударение в них приходится на второй слог. Но включаясь в акцентуальный комплекс ударение сместится назад: *фæрæт* ‘топор’, но *цыргъ фæрæт* ‘острый топор’. Наши предположения подтвердились. В большинстве случаев мы услышали отдельное ударение на прилагательное. Но преобладающей ошибкой было зафиксированное словесное ударение на существительных, то есть на третьем слоге акцентуального комплекса по типу *|цыргъ фæрæт|*, что контрастирует с нормой.

Если случаи интерференции в изолированных с/сч из прилагательного и существительного мы рассмотрели в различных вариантах, где синтагма является одновременно и фразой (т. е. несет еще и фразовое ударение на конечном существительном), то как обстоит с ударением, если существительное не будет находиться в конце фразы?

7. В блоке №7 (см. Приложение) – простые предложения из определения (прилагательное), определяемого подлежащего (существительное) и сказуемого (глагол). На удивление (однако ожидаемо) произношение участников эксперимента значительно приблизилась к осетинскому. Это произошло в результате того, что фразовое ударение¹ сместилась на конечный глагол, уводя в «тень» ударение существительного. Способствовало хорошему результату и то, что в предложениях были использованы «сильные» пары из блока №1, которые мы разбирали выше.

8. В следующем блоке №8 мы проведем эксперимент с акцентуальным комплексом в составе четырехчленного предложения, состоящего из определения, подлежащего, обстоятельства и сказуемого². На этот раз именная пара представлена односложным «сильным» прилагательным и двусложным существительным. То есть, в норме – ударения на существительном быть не должно. Интерференции с одной стороны будет способствовать то, что существительное по-прежнему находится в

¹ В двух случаях ему предшествует проклитика *сæ*, которая является слабым слогом и уступает ударение следующему за ним в комплексе слогу.

² Под фразовым ударением мы понимаем ударение, сходное по своим характеристикам с синтагменным и не имеем ввиду лишь тональный акцент.

конце синтагмы, а противодействует этому смещенное уже на два слова от него фразовое ударение. В итоге, озвучка показала очень неплохой результат – большинство опытных участников в большинстве случаев смогли акцентировать осетинскую фразу достаточно естественно для слуха автора. Исключение составили: испытуемый с профессионально поставленной «убедительной» речью, что оказало ему «медвежью услугу»¹ и русский испытуемый, выросший за пределами Осетии, хотя и имеющий отношение к музыке.

В двух последних блоках мы решили провести эксперимент, при котором прилагательное находится в ситуации смыслового противопоставления и акцентирования. Таким образом, мы закономерно снимаем «русское» синтагматическое ударение с существительного и переносим его на прилагательное [9, с. 130-131], что в специально подобранных примерах даст нам ритмический рисунок, приближенный к осетинскому.

9. Блок №9 содержит восклицательные предложения следующего типа: *Æнгу́з бæлас нæу, фæлæ б́ал бæлас!* Сравните перевод: ‘Ореховое дерево | не ёсть, | но вишнёвое дерево!||’. Озвучка текста показала следующие результаты: 3 участника из 7, с небольшими погрешностями (но все-же успешно) расставили акценты так, как мы ожидали. То есть, оба прилагательных в предложениях были распознаны и озвучены как противопоставляемые друг-другу. Двое из участников не смогли акцентировать первое прилагательное², но выделили его ударением во второй части сложного предложения, что можно считать частичным успехом. Двое испытуемых, описанных выше в пункте 8, не смогли оформить интонацию противопоставления. Можно сказать, что смысл предложения так и не был ими реализован.

10. Завершающий блок №10 состоит из повелительных фраз, в которых мы постарались сфокусировать смысловой акцент на определениях, выраженных местоимениями *иннæ* ‘иной’, *æндæр* ‘другой’ и прилагательными. По нашему предположению логическое ударение на

¹ В одном случае обстоятельство опущено и его заменяет составной глагол *салам дæттын* ‘здороваться’, который, при желании, можно трактовать как сочетание объекта ‘салам’ приветствие и сказуемого *дæттын* ‘давать’.

² Свойство такой речи – выделять главные слова, в том числе понижением интонации.

уточняющих определениях должно нивелировать конечное ударение в синтагме (фразе). Однако, для контраста мы добавили и такие предложения, где ударение падает на существительное. Например: *Æрi мын iннæ кард, цыргæ кiрд!* Сравните перевод: ‘Дай мне | другой нож | острый нож!|’ Полученные результаты прочтения значительно разнятся. Большая часть испытуемых поставила логическое ударение на местоимения *iннæ* и *æндæр*, оттенив ударение существительного таким образом, что акцентуация стала сходной с осетинской. Заметим, что один из испытуемых, условный носитель языка, в 2 примерах из 5 не смог сместить акцент на *iннæ* и *æндæр*. А один пример озвучен им спорно. Чуть более условной половины чтецов смогли поставить верное осетинское ударение в комплексе прилагательное и существительное. Сложно сказать, с чем это связано, поскольку ударение на слух стоит верно и в случае, когда оно приходится на прилагательное, и в случае, когда оно падает на существительное. Двое из перечисленных чтецов смогли поставить верные ударения для обоих словосочетаний в предложениях¹. Еще двое упомянутых ранее участников, не сумевших акцентировать противопоставление, не справились также и с логическим ударением, которое приблизило бы их к осетинскому произношению. Применительно к тому, как ими были озвучены два последних блока можно сказать, что интерференция – перенос правил одного языка на другой, – у них отсутствует, ровно как и представление о ритмических особенностях осетинской речи.

В результате проведенного исследования обрисовался типичный характер фонетической интерференции русскоязычных учеников при произношении акцентуального комплекса *определение с определяемым* – здесь действует русское синтагматическое ударение, нарушающее фонетическое и семантическое единство комплекса.

В тех случаях, когда определяемое существительное выводится из-под синтагматического (фразового) ударения, воспринимаемая степень фонетической интерференции значительно снижается:

а) когда определяемое не является конечным членом синтагмы (фразы);

¹ К слову, для носителя озвучка *æнгъз багiс нæу* меняет смысл на ‘орех деревом не является’.

б) когда определение, на которое должно падать ударение, находится в противопоставлении;

в) когда на ударяемое определение приходится логическое ударение.

В последних двух случаях обязательно понимание читаемого текста, как условие его выразительного чтения. Повторяемой ошибкой даже уверенно коммуницирующих испытуемых является фиксация словесного ударения существительного, при необходимости смещения его на второй слог акцентуального комплекса (первый слог существительного). Остается открытым вопрос влияния качества односложного определения на фонетическую интерференцию, в особенности в сочетании существительных с ударением на первый слог.

В целом, мы ожидаем, что данные выводы будут сильны при повторении эксперимента с большим количеством русскоязычных участников, не владеющих произносительной нормой осетинского (иронского) языка.

Аналогичного исследования, на наш взгляд, заслуживает интерференция в дигорском варианте литературного осетинского языка. По нашему предположению, ввиду отличия дигорского ударения от иронского, фонетическая интерференция русского ударения будет проявляться в нем в гораздо меньшей степени. Подтверждение этой гипотезы может стать одним из стимулов для освоения дигорской нормы осетинского языка русскоязычными учениками.

Является очевидным фактом, что владение ударением и интонированием речи – необходимая составляющая речевой коммуникации. Следовательно, теоретические и практически занятия по осетинскому ударению и интонации нельзя недооценивать. Умение объяснить осетинское ударение и научить ему своих учеников – неотъемлемые компетенции высококлассного преподавателя. Работа его облегчается, если он знает правила русского ударения, которым руководствуются ученики при воспроизведении осетинской устной речи. Изучение фонетической интерференции на специальных семинарах для преподавателей будет способствовать делу сохранения осетинского языка.

Приложение

Блок №1

Хорз бон (хороший день)
Саст кард (сломанный нож)
Бур саг (желтый олень)
Сау дзул (черный хлеб)
Урс мит (белый снег)

Блок №2

Хорз – бон (хороший – день)
Саст – кард (сломанный – нож)
Бур – саг (желтый – олень)
Сау – дзул (черный – хлеб)
Урс – мит (белый – снег)

Блок №3

Сау гæды (черная кошка)
Хорз лæппу (хороший мальчик)
Урс кæсаг (белая рыба)
Хорз барæг (хороший всадник)
Бур уасæг (рыжий петух)

Блок №4

Æнгуз бæлас (ореховое дерево)
Цыбыр бон (короткий день)
Талынг уат (темная комната)
Зæронд гал (старый бык)
Тæрсаг бæх (пугливый конь)

Блок №5

Цыргъ кард (острый нож)
Цъæх арв (синее небо)
Сырх карк (красная курица)
Тæвд цай (горячий чай)
Цырдаг саг (резвый олень)

Блок №6

Цыргъ фæрæт (острый топор)
Цырд лæппу (резвый мальчик)
Сырх кæсаг (красная рыба)
Цъæх бæлас (зеленое дерево)
Фых дзидза (вареное мясо)
Тæвд лывзæ (горячий суп)
Цъæх гæды (серая кошка)

Блок №7

Хорз бон ралæууыд (хороший день наступил).
Саст кард райстон (сломанный нож взял).
Бур саг федтон (желтого оленя видел).
Сау дзул бахордтон (черный хлеб поел).
Урс мит тайы (белый снег тает).

Блок №8

Сау гæды кæрты бады. (Черная кошка во дворе сидит).
Хорз лæппу салам дæтты. (Хороший мальчик здоровается).
Урс кæсаг доны æрцахстон. (Белую рыбу в воде поймал).
Хорз барæг бæхыл хъазы. (Хороший всадник на коне гарцует).
Бур уасæг райсомæй уасы. (Рыжий петух утром поет).

Блок №9

Æнгуз бæлас нæу, фæлæ бал бæлас! (Это не ореховое дерево, а вишневое дерево!)

Цыбыр бон нæ, фæлæ даргъ бон! (Не короткий день, а длинный день!)

Талынг уат нæу, фæлæ райдзаст уат! (Это не темная комната, но светлая комната!)

Зæронд гал нæ, фæлæ тыхджын гал! (Не старый бык, а сильный бык!)

Тæрсаг бæх нæу, коммæгæс бæх у! (Это не пугливый конь, это послушный конь!)

Блок №10

Æри мын иннæ кард, цыргъ кард! (Дай мне иной нож, острый нож!)
Æркæн мын æндæр цай, тæвд цай! (Налей мне другого чаю, горячего чаю!)

Æри мын иннæ дзидза, фых дзидза! (Дай мне иного мяса, варенного мяса!)

Авæр-ма мын æндæр дзул, сау дзул! (Поддай-как мне другой хлеб, черный хлеб!)

Æрцахс мын æндæр бæх, коммæгæс бæх! (Поймай мне другого коня, послушного коня!)

Библиографический список

1. Абаев В.И. Из осетинского эпоса: 10 нартовских сказаний, текст, перевод, комментарии. Прил.: Ритмика осетинской речи. М.-Л.: Изд. Академии наук СССР, 1939. 134 с.
2. Беджизати Ч.Д. Избранные произведения (на осетинском языке). Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1958. 555 с.
3. Волконский С.М. Выразительное слово: Опыт исследования и руководство в области механики, психологии, философии и эстетики речи в жизни и на сцене. СПб.: типография Сириус, 1913. 215 с.
4. Дзахова В.Т. Реализация словесного ударения во фразе (на материале анализа простых повествовательных предложений осетинского языка). Вестник Калмыцкого университета. 2014 №4 (24). С. 31-40.
5. Дзахова В.Т. Типологические характеристики осетинской интонации: монография / под ред. докт. филол. наук, проф. Т.Т. Камболова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2016. 124 с.
6. Исаев М.И. Очерк фонетики осетинского литературного языка. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1959. 90 с.
7. Филатова Е.В. Синтагма в лингвистическом учении Л. В. Щербы. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013 №3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 181-184.
8. Хетагуров К. Проза: Рассказ; Этнографический очерк; Статьи. М.: Сов. Россия, 1987. 272 с.
9. Черемисинова-Ениколопова Н.В. Законы и правила русской интонации [Электронный ресурс]: учеб. Пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2013. 520 с.

10. Щерба Л.В. Фонетика французского языка: очерк французского произношения в сравнении с русским. Изд. 7-е. М.: Высшая школа, 1963. 309 с.

References

1. Abaev V.I. (1939). *Iz osetinskogo jeposa: 10 nartovskih skazanij, tekst, perevod, kommentarii. Pril.: Ritmika osetinskoj rechi*. [From the Ossetian epic: 10 Nart legends, text, translation, comments. Adj.: The rhythm of Ossetian speech]. Moskow/Leningrad. (In Russ.).

2. Bedzhizati Ch.D. (1958). *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Stalinir. (In. Osset.).

3. Volkonskij S.M. (1913). *Vyrazitel'noe slovo: Opyt issledovaniya i rukovodstva v oblasti mehaniki, psihologii, filosofii i jestetiki rechi v zhizni i na scene*. [An expressive word: Experience in research and leadership in the field of mechanics, psychology, philosophy and aesthetics of speech in life and on stage]. Saint-Petersburg. (In Russ.).

4. Dzahova V.T. (2014). *Realizacija slovesnogo udarenija vo fraze (na materiale analiza prostyh povestvovatel'nyh predlozhenij osetinskogo jazyka)*. [The implementation of verbal stress in a phrase (based on the analysis of simple narrative sentences of the Ossetian language)]. Vestnik Kalmyckogo universiteta. 4 (24). Pp 31-40. (In Russ.).

5. Dzahova V.T. (2016). *Tipologicheskie harakteristiki osetinskoj intonacii* [Typological characteristics of Ossetian intonation]. Vladikavkaz. (In Russ.).

6. Isaev M.I. (1959). *Oчерк fonetiki osetinskogo literaturnogo jazyka*. [An essay on the phonetics of the Ossetian literary language]. Ordzhonikidze. (In Russ.).

7. Filatova E.V. (2013). *Sintagma v lingvisticheskom uchenii L. V. Shcherby*. [Syntagma in L. V. Shcherba's linguistic teaching. Philological sciences. Questions of theory and practice]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 3 (21) at 2 h. h. I. Pp 181-184. (In Russ.).

8. Hetagurov K. (1987). *Proza: Rasskaz; Jetnograficheskij oчерk; Stat'i*. [Short story; Ethnographic essay; Articles]. Moskow. (In Russ.).

9. Cheremisiina-Enikolopova N.V. (2013). *Zakony i pravila russkoj intonacii* [Laws and rules of Russian intonation] Electronic resource. Moskow. (In Russ.).

10. Shherba L.V. (1963). *Fonetika francuzskogo jazyka: ocherk francuzskogo proiznoshenija v sravnenii s russkim. Izd. 7-e*. Phonetics of the French language: an essay on French pronunciation in comparison with Russian. Moscow (In Russ.).

Сведения об авторе

Бтемиров Таймураз Мухарбекович, специалист «Центра развития осетинского языка», ГБУ «Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания»; РФ, г. Владикавказ. E-mail: btemyraty@yandex.ru.

About the author

Btemirov Taimuraz Mukharbekovich, Specialist at the Center for the Development of the Ossetian Language, State Budgetary Institution Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania; Russian Federation, Vladikavkaz. E-mail: btemyraty@yandex.ru.